

— Нет.

...За свою недолгую, в сравнении со многими древними культиваторами, но насыщенную жизнь Фан Линь довольно часто падал на колени, но только в своём детстве.

Ещё до того, как он сделался культиватором, ему, сопливному мальчишке, влачащему жалкое существование на луне-свалке, часто приходилось унижаться, пресмыкаться перед другими, чтобы прожить ещё хотя бы один день. Для него это было так обыкновенно, что он просто не придавал этому действию никакого значения.

Тогда у него ещё не было гордости.

Но два события в итоге изменили это; первое из них было очень давнишним и глупым. Как-то раз Фан Линю встретился один очень высокомерный человек, который, веселья ради, решил устроить подобие конкурса. Каждому, кто поцелует его ботинок и отвесит ему три поклона, да так, чтобы лоб потёк кровью, он согласен был дать немного ломтик хлеба. Перед этим богатым и сильным человеком выстроилась очередь. Очень скоро его грязный ботинок сверкал от слюны, а человек ещё и мазал его в грязь, специально.

Фан Линь, а вернее простой мальчишка по имени Линь, как его тогда звали, тоже встал в ту очередь, но когда подошёл его черёд, что-то покорило мальчика. То ли смех этого мужчины был слишком злым, слишком он его раздражал, то ли ему вдруг стало отвратно убожество, которое проявляли все прочие люди, вылизывающие подошвы. Фан Линь не знал, и всё таки он не стал лизать ботинок, а просто взял и ушёл.

Мальчишка вернулся в свою конуру и попытался уснуть; но голод терзал его, желудок его извивался в агонии. Он не мог спать, не мог вообще ничего, и всё слышал, как рядом кто-то хрустит ломтиком хлеба. Тогда мальчишка побежал назад. Он снова встал в очередь, дождался, весь подрагивая от голода, своего времени, свалился на колени перед человеком и расцеловал его грязный ботинок.

Человек улыбнулся и сказал, что он молодец, но хлеба не получит. Потому что посмел один раз уйти. А значит проявил неуважение, и за это его следует наказать.

Фан Линь ушёл ни с чем.

Почти.

Ещё он ушёл с клятвой, что больше никогда и ни за что не станет на колени.

Второй случай произошёл немного позже.

Как-то раз Фан Линь услышал одну драгоценную мудрость, что на колени можно опускаться только перед своими родителями и перед своим Мастером. Родителей у мужчины не было, а Мастер... Скажем так — был один человек, которого можно было назвать чем-то похожим на Мастера мужчины, но между ними всё было неофициально...

Фан Линь понравилась эта поговорка. Он даже решил сделать её одним из основных постулатов, которые поддерживали, подобно колоннам, его гениально-героическую личину. Абстрактная клятва мужчины не преклонять головы превратилась для него в принцип. И с тех пор мужчина и вправду много лет не падал на колени. Даже когда ситуация его обязывала, даже когда ему выгодно было бы приклонить голову, — он и тогда держал её прямо, пусть даже и в ущерб самому себе. Потому что такой у него был принцип.

И постепенно этот принцип стал для мужчины чем-то действительно важным. Точно также как он сам слился с выбранной просто ради интереса ролью и превратился из обыкновенно и диковатого сорванца в самого настоящего героя, точно также и этот принцип врос в его мировоззрение, и стал для него настоящим.

Даже когда мужчина потерял свои силы, он ещё десять лет не опускал ни перед кем голову. Десять лет он оставался собой, Фан Линем; но под конец этого срока мужчина медленно погряз в отчаянии, он готов был уже на всё, и однажды что-то в нём надломилось, и он таки упал на колени, умоляя одну могучую сущность всё исправить, вернуть ему силы; ради призрачной надежды мужчина поступился своим принципом, и получил ответ:

— Нет.

Именно тогда Фан Линь сломался до конца — он убежал, вернулся на свою родную луну-свалку и стал называть себя Линь Фанем.

Тайи знала про эту историю; она наблюдала ей своими собственными глазами. Она знала, как больно ему было услышать слово нет, когда он лежит на коленях. И всё равно, таков был её ответ.

Девочка неуверенно отвела глаза. По ней было видно, она сомневалась, ей было непросто отказать. Её ручки в бархатных перчатках сжимались и разжимались. Но всё равно она ответила ему: нет. И теперь молчала.

Фан Линь на отказ никак не отреагировал; разве что немного расслабился и поник на земле. Мужчина молчал. Внутри корабля воцарилось колеблющаяся — потому что девушка в чёрном продолжала рубить своим лезвием — тишина. Медленно и бесшумно разгорался чёрный браслет.

Как вдруг раздался ещё один быстрый и нежный хлопок — Мая упала на колени. Падение чёрненькой девочки вышло намного тише, чем у мужчины, но сам её поклон был куда более рьяным и даже безумным. Она вдавила свой лоб в пол и быстро заговорила с растерянной Тайи:

— Мисс... Мисс Тай, молю вас, пожалуйста, пожалуйста, помогите мне!

Тайи приоткрыла губки. А Мая не замолкала. Она зажмурилась и продолжала:

— Я прошу вас, пожалуйста, я молю, молю! — её голос перешёл на звонкий, как последняя струна инструмента янцин, крик, и оборвался. Девочка замолчала, — но всё ещё комнату наполняло её тревожное дыхание. А Тайи в это время напряжённо смотрела на Маю, и снова, когда она уже собиралась что-то сказать, черненькая девочка резко вскинула голову и прозвенела дрожащим голосом:

— Если... Если вы не поможете, я... Я себя наврежу... — после этих слов Цинь Жуа стала медленно подбираться к своей юной госпоже со спины, а заодно заранее полезла в кормашек, где хранила пакетики с целебным веществом...

— Мастер, Мастер вас действительно ценит... — говорила девочка. — Он собирает все ваши журналы, он беспокоится о вас, он волновался, когда к вам пришёл, он...

Мая вдохнула и ещё раз прошептала:

— Прошу вас.

А потом она резко и глухо стукнулась головой со всей своей силы о пол и крикнула:

— Прошу!

Тайи, лицом совершенно потрясённая и потерянная, глубоко вздохнула; её взгляд опустился к земле, зубки заскрежетали — казалось, она стояла на обрыве, и как безумная металась, пока её подталкивали к самому краю; Фан Линь, к этому времени немного приподнявший голову от пола, наблюдал за ней взглядом исподлобья. Тайи хорошо его знала, это правда, но и он сам понимал эту девочку и довольно ясно представлял себе, о чём она сейчас думает

Ей ведь тоже было жаль ребёнка, ей тоже хотелось помочь, — у Брони было большое сердце. Наверное, если бы Мае действительно угрожала смертельная опасность, если бы не было вот-вот готового нагрянуть Тан Луня, который крайне маловероятно, что решит убить свою внучку, но только создание в чёрном, Тайи бы уже согласилась помочь — но сейчас она ещё мялась. И всё потому что девочка, по всей видимости, тоже дала себе какое-то обещание.

Возможно, как Фан Линь клялся не падать на колени, она поклялась больше никогда не быть его бронёй. Или вообще ничьей бронёй. Вот она теперь и мялась. Фан Линю нужно было как-нибудь подтолкнуть девочку, помочь ей принять решение, дать ей причину нарушить свою клятву. Мужчина призадумался и проговорил:

— Тебе не обязательно снова становиться моей броней...

Тайи подняла на него свой потерянный взгляд.

Мужчина стал тихим и спокойным голосом рассказывать ей свою мысль:

— Давай вместо это я стану твоим воином? Используй меня и помоги ей. А потом брось. Как вещь, — предложил он. — Всё равно я теперь одноразовая штука...

— ... — Тайи было хотела ему сразу ответить, но замялась и прикрыла глаза. Прошло несколько секунд. Фан Линь вдруг подумал, что будет очень неловко, если она сейчас согласится, а весь мир сразу загрохочет, явится Звёздный Владыка, и согласие окажется слишком запоздалым. Неприятное, наверное, будет чувство, прямо как когда он упал-таки на колени, а ему всё равно не дали хлеба... Кстати говоря, Фан Линь потом нашёл этого человека и заставил его съесть свой ботинок...

— Только... — наконец заговорила Тайи, и Нин Юэ взглянула на неё взволнованными глазами.

— Только попробуй проиграть, — сказала девочка и сверкнула глазками.

Фан Линь едва сдержал улыбку:

— Обещаю.

Тайи кивнула, потом кивнула ещё раз, быстрее, и сказала, повернувшись к Нин Юэ:

— Раздевайся... Снимай меня.

— Ты уверена? — спросила девушка.

— Нет... Поэтому давай быстрее, — вздохнула Тайи. — А ты не смотри! — вдруг вспылила она на Фан Линя, который уже встал и заглядывался на девушку; сразу за спину мужчины зашла

Цинь Жуа и накрыла его глаза своими нежными ладонями...

Меж тем снаружи корабль был совсем непрозрачным, а серебристым, и выглядел он как побитый петушок; девушка в чёрном нависала над ним грозной и маленькой тенью, и рубила его своим чёрным лезвием. Каждый удар его был предельно сосредоточен, вся сила была собрана на самом лезвии, но даже так несмотря на это, на всей протяжённости моря, до самого горизонта, серебрились плавающие кверху брюхом мёртвые рыбёшки.

Персонал отеля, а также все его гости, стояли на крышах зданий; по краям их горели узоры, которые впитывали ударные волны и заземляли их, как громоотводы. Если бы не это, все люди, даже особенно слабые культиваторы, давно бы уже валялись на земле с порванными барабанными перепонками.

Отдыхающие с волнением наблюдали за разворачивающейся на пляже сценой. Медленно, но верно чёрная девушка вскрывала серебристую оболочку на удивления крепкого корабля; напряжение нарастало; люди одновременно мечтали, чтобы всё закончилось как можно скорее, и боялись этого момента, ведь кто знает, что девушка будет делать дальше... Но при этом никто и не думал бежать: ни старик в кресле качалке, ни супружеская пара, в которой мама и папа держали в руках сына и дочку — никто из них не бежал и даже не пытался прятаться, потому что они понимали: это бессмысленно. Мастер на стадии Эманации мог моментально уничтожить всё в радиусе пары десятков километров. Он мог за несколько минут превратить весь курорт в одну большую серую пустыню. Бежать от него было столько же смысла, сколько его было в том, чтобы пытаться убежать от падающей звезды, — она тебя всё равно догонит, не сама, так взрывной волной.

Все люди с волнением смотрели то на корабль, то на пятёрку воинов в длинных халатах, которые выстроились вдоль крыш. Воины хмуро наблюдали за происходящим на пляже. Всего их было пятеро. Посредине стоял самый внушительный — старик с волнистой белой бородой и лицом одновременно немного рыжим, и седым, как персик. Прямо возле него стоял высокий мужчина с ушами, как у обезьяны.

— Господин Чжань Тэнь, — обратился мужчина к старику почтительным голосом, — сколько ещё?

Старец по имени Чжань Тэнь нахмурил свои серые брови и сказал, поглаживая бороду:

— Минут пятнадцать, не больше... Этот корабль сделан из удивительно крепкой стали. Чей он?

— Господин, судно принадлежит некой модели, которая прилетела сюда на фотосессию.

— Модели... Странно! Зачем же «модель» понадобилась такому могучему существу... И откуда у неё такой корабль? Здесь что-то не так...

— Господин, вы думаете всё не так просто?

— Непросто... Впрочем, — старик покачал своей лохматой головой. — Всё это неважно. Кто бы ни прятался внутри, как черепаха в своём панцире, он слаб; я не чувствую ауры даже Сердца, и уж тем более Эманацию... Когда эта консервная банка вскрыется, все внутри превратятся в фарш... Нам остаётся только надеяться, что монстр на этом уgomонит свой аппетит... Или что придёт наконец подкрепление... Хм? А это ещё что такое? Им жить надоело? Или они решили не тянуть со своей смертью? — вдруг голос старика Чжань Тэня зазвучал удивлённым; все остальные четверо человек растерялись и присмотрелись к серебристому кораблю. Его боковая дверь стала медленно открываться...

<http://tl.rulate.ru/book/52126/1391025>